

Козны: Джосов, Джоан (ур.)
(образы режиссера)

Здесь кто-то был

Братьям Коэнам не до шуток: их черно-белый «черный фильм» пугающе мрачен. И невероятно красив *Независимая-2001-6 зен-С.8.*

Вадим Рутковский

Позапрошлым летом братья Коэны отметили 15-летие своего дебюта «Просто кровь» выпуском его ремастеризованной версии. Предварял фильм вальс-жесткий старец-прокатчик, некий Мортимер Янг, объяснявший доверчивым зрителям: «С появлением в 1984-м «Просто крови» мир заговорил о независимом кино». Наглейшая ложь, вполне в духе братьев. Однако это ложь, очень похожая на правду. Коэны (Этан традиционно значится в титрах продюсером, Джоэль – режиссером, сценарий пишут вместе) любят и умеют удивлять – не только тем, что в саундтреке их новой ленты звучит Людвиг Ван Бетховен. Братья работают с точностью часового механизма, выдавая по фильму в год, и что ни фильм у них – то новый уровень планки, которую братья поднимают все выше, и выше, и выше. При том, что эти работники ножа и топора ходят все время по краю родному – на грани автоповтора, на волосок от тиражирования стиля. Но пока удерживаются. Сегодня они увлечены погружением в прошлое: вслед за кантри-одиссеей времен Великой депрессии «О, брат, где ты?», устремили взгляд в 1949-й и подкинули «Человека, которого не было», жутковатый карандашный набросок, черно-белый сюрреальный ноктюрн на темы «черного фильма».

Жанр «film noir» родился в «великодепрессивные» 30-е и расцвел в 40-е благодаря усилиям таких белых джентльменов, как Джон Хьюстон, Хоуард Хукс и Энтони Мэнн. Вот исчерпывающий рецепт приготовления «нуара»: «Начните с чашки дурных новостей, добавьте ломтик разбитых обещаний, смешайте с правонарушениями и доведите до кипения. Варите на медленном огне, снимая пенку истины; подавайте охлажденным (иначе говоря, cool)». Ключевые слова: заблудшие души, шантаж, ночь и город, ложные обвинения, реальные преступления, «который час – и то никто не знает точно».

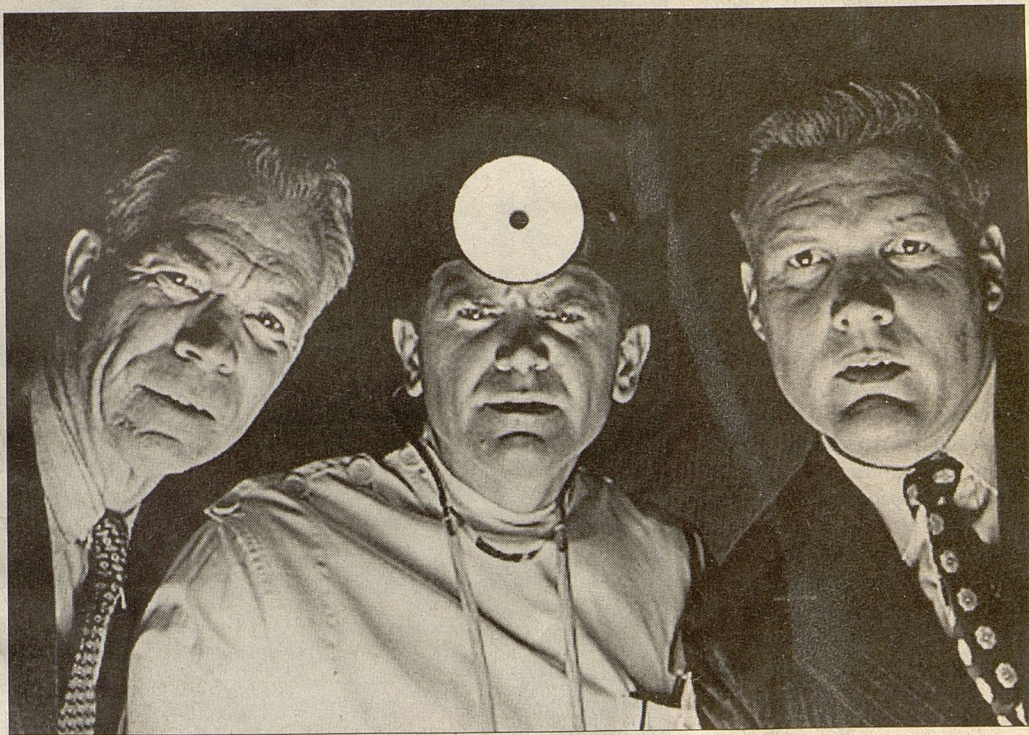
Львиная доля современных «независимых» паразитирует на

«film noir»; несть числа нео-нуарам – от ироничной стилизации талантливого Джона Дала «Ред Рок Вест» до поделок класса «В» наподобие «Выхода в красное» или «Пушки, тачки, блондинки» (в последнем, кстати, играл коэновский «человек» Билли Боб Торнтон). Но только Коэны сняли не изощренное подражание старым мастерам, а настоящий и действительно великий «черный фильм», достойный сравнения с классикой.

Человек, «которого не было», – это Эд Крейн (Торнтон), кали-

вал определенный интерес к опекаемой им молоденькой пианистке Берди. Наблюдал за нехитрыми провинциальными увеселениями, вроде скачек на свинье. Комментировал все происходящее, и одинаково невозмутимо рассказывал и про шурина Фрэнка, и про самого дорогого адвоката Калифорнии Фредди Риденшнайдера, ненавидящего факты, потому что в них нет смысла. Не знаю, мечтал ли Эд о великом богатстве, но однажды доверился аферисту, предложившему вложить де-

Вместе с постоянным оператором Роджером Дикинсом Коэны сотворили картинку тонкости и красоты невероятной. Густой дым обволакивает, кажется, и внеэкранное пространство, придавая вкус нереальности окружающей действительности; визуальная сторона кристально, недостижимо совершенна и – я не шучу, какие уж тут шуточки – достигает метафизических глубин уровня сокуровского «Камня». Та же хрупкая, зыбкая, нездешняя черная белизна, цвета иных ми-

Черный с белым не берите! А то будете стильными, как братья Коэны.

Кадр из фильма «Человек, которого не было»

форнийский цирюльник, тянувший лямку ежедневного существования в заштатной Санта Розе. Но все аккуратные улочки этого городишки – так, фальшивая, потемкинская деревня, дым-туман, потому как настоящее место пожизненной прописки Крейна – Коэн-сити, где весь земной век меланхолический Эд задумчиво стриг отжившие свое волосы, не вынимая сигареты изо рта, под немолчную болтовню постоянных клиентов – обожаемых Коэнами гротескных пожилых толстяков. На досуге брил ноги жене-бухгалтерше (Фрэнсис МакДорманд, муза и жена Джоэля Коэна) и, кажется, испыты-

вать тысяч в новомодную химичку, пошел на шантаж женного босса по кличке Большой Дэйв, вляпался в аферу с дурным концом и кончил земной путь на электрическом стуле. И гений Риденшнайдера не помог.

А вообще увольте; пересказывать сюжет «Человека» – последнее дело. Этот фильм – в отличие от прежних коэновских детищ – почти не смешон и фантастически, нарочито, почти невыносимо замедлен. Он нетороплив, как вечно сонный герой Билли Боба Торнтон, что тонет в клубах табачного дыма и безвозвратно вязнет в потоке неподвластной человеческому разумению жизни. Жизни, что и есть сон.

ров и потусторонних пространств. Удивительная по пугающей красоте сцена смертной казни закономерно венчает это мрачное действо. Билли Боб Торнтон же – почти как ушедшие в небытие гении старого кино – создает осязаемое напряжение, не прибегая даже к малейшим актерским уловкам, одним физическим присутствием, тем, что он просто есть на экране. Так что если что-то в фильме несовершенно, так это, единственно, дезинформирующее название. Что не помешало братьям Коэнам в третий раз получить каннский приз за режиссуру. Аплодисменты, аплодисменты.